

УДК 975.174.2
EDN XEWANM

<https://vestnikniign.ru>

Научная статья

БАЛТИЙСКИЙ СЛЕД В ФОРМИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ МЕЩЁРЫ

А. П. Гаврилов^{1, 2}, А. С. Семёнов³✉

¹ Российская Академия естествознания,

г. Москва, Россия

² Музейный историко-культурный комплекс

Шиловского муниципального района Рязанской области,

рп Шилово, Россия

³ Проект «ДНК-история России»,

г. Москва, Россия

✉ semyonov1980@mail.ru

Аннотация

Введение. Изучение рязано-окской культуры осуществляется более 100 лет. Ее основной ареал — Средняя Ока, с тенденцией к доминированию в Волго-Окском междуречье с начальных веков нашей эры до середины VII столетия. Эта работа продолжает исследования авторов и ставит вопросы о возможных связях мордовского и русского мешчерского населения в пределах Республики Мордовия, Рязанской и Московской областей с населением Восточной Балтии.

Материалы и методы. Настоящая работа — одна из первых по изучению ДНК рязано-окцев и их потомков в контексте миграционных и этнических процессов. Авторский коллектив ставит перед собой задачу поиска механизма применения ДНК-исследований в археологии и корреляции этнических процессов указанного отрезка истории нашей страны.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ ДНК современного мордовского и русского мешчерского населения позволил выявить ветвь R1a-CTS3402-YP237, связывающую эту популяцию с ареалом племен Восточной Балтии начала нашей эры. Проведенная работа показала, что хотя между такими понятиями, как *гаплогруппа-этнос*, *языковая группа* или *археологическая культура*, нет и не может быть знака равенства, выявление прямых отцовских линий позволяет коррелировать их в контексте археологического материала, а также устанавливать сегодня потомков носителей археологических культур. Это помогает по-новому взглянуть на миграционные процессы на территории центральной России и историю складывания ее народов.

Заключение. Первое исследование показывает возможность связей древнего населения Восточной Балтии с шокшанской группой мордовского населения и жителей Подмосковной и Рязанской Мещёры, включая группу куршаков. Можно предположить более значительную роль автохтонного населения Среднего Поочья I тыс. н. э. в сложении его современного населения.

Ключевые слова: ДНК, Y-гаплогруппа, культура рязано-окских могильников, Шилово, готы, древние захоронения, угро-финны, праславяне, балты, мешчѐра

Благодарности: проект «ДНК-история России» благодарит проект «Сердце Мещёры» и персонально А. Артюхина и Ю. Белоусова за решающий вклад в финансирование программы исследований, а также В. Савранского, К. и О. Неверовых, В. Крупнова, Н. Макогонову, К. Сметанина, М. Воинова, А. Молокову, С. Ковалеву, А. Симонову, М. Комову, А. Шереметьеву, О. Мокрушину, Е. Олейникову, Н. Липатникову, О. Тиняева, Г. Цветкова за содействие и поддержку в процессе осуществления исследования. Также благодарим всех представителей родов, прошедших ДНК-тесты и разрешивших опубликовать свои данные.

© Гаврилов А. П., Семёнов А. С., 2024

Для цитирования: Гаврилов А. П., Семёнов А. С. Балтийский след в формировании населения Мешёры // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 163 — 180. EDN XEWANM

Original article

THE BALTIC TRAIL IN THE FORMATION OF THE POPULATION OF MESHCHERA

A. P. Gavrilo^{1, 2}, A. S. Semenov³✉

¹ Russian Academy of Natural Sciences,
Moscow, Russia

² Museum historical and cultural complex
of the Shilovsky municipal district of the Ryazan region,
Shilovo, Russia

³ Project “DNA History of Russia”
Moscow, Russia

✉semyonov1980@mail.ru

Abstract

Introduction. The study of Ryazan-Oka culture has been going on for more than 100 years. Its main range is the Middle Oka, with a significant tendency to dominate in the Volga-Oka interfluvium since the early centuries AD. Until the middle of the VII century. This work continues the authors' research and raises questions about possible connections between the Mordovian and Russian Meshchera population within the Republic of Mordovia, Ryazan and Moscow regions with the population of the Eastern Baltic.

Materials and methods. This work is one of the first to study the DNA of the Ryazan-Oka people and their descendants in the context of migration and ethnic processes. The team of authors sets itself the task of finding a mechanism for using DNA research in archaeological culture and correlating ethnic processes in this period of the history of our country.

Research results and discussion. DNA analysis of the modern Mordovian and Russian Meshchera population made it possible to identify the branch R1a-CTS3402-YP237, connecting this population with the area of the Eastern Baltic tribes at the beginning of our era. The work carried out showed that although there is and cannot be an equal sign between such concepts as a haplogroup-ethnic group, a linguistic group or an archaeological culture, at the same time, identifying direct paternal lines makes it possible to correlate them in the context of archaeological material, as well as to identify the descendants of archaeological cultures today, which allows us to take a new look at migration processes in the territory of central Russia and the history of the formation of its peoples.

Conclusion. The first study conducted shows the possibility of connections between the ancient population of the Eastern Baltic and the Shokshan group of the Mordovian population and the inhabitants of the Moscow Region and Ryazan Meshchera, including the group of Kurshaks. This suggests a more significant role for the autochthonous population of the Middle Oka in the first millennium AD. in the composition of its modern population.

Keywords: DNA, Y-haplogroup, culture of Ryazan-Oka burial grounds, Shilovo, Goths, ancient burials, Finno-Ugric, Proto-Slavs, Balts, Meshchera

Acknowledgments: the “DNA History of Russia” project thanks the “Heart of Meshchera” project and personally A. Artyukhin and Y. Belousov for their crucial contribution to financing the research program, as well as V. Savransky, K. and O. Neverova, V. Krupnov, N. Makogonova, K. Smetanin, M. Voinov, A. Molokova, S. Kovaleva, A. Simonov, M. Komova, A. Sheremetyeva, O. Mokrushina, E. Oleinikova, N. Lipatnikova, O. Tinyaev, G. Tsvetkov for assistance and support during the research process. We also thank all representatives of the families who underwent DNA tests and allowed their data to be published.

For citation: Gavrilov AP, Semenov AS. The Baltic Trail in the Formation of the Population of Meshchera. Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia. 2024;16(4):163—180. EDN XEWANM

Введение

На территории Волго-Окского междуречья несомненный интерес для изучения представляет археологическая культура рязано-окских могильников в период Великого переселения народов и раннего средневековья.

В первые века нашей эры по границе леса и степи в Восточной Европе сложился ряд археологических культур, с той или иной долей вероятности родственных культурам Балтии. В этих же условиях складывалась рязано-окская культура, что делает важным выявление «балтийского следа» на территории ее распространения. Такие попытки осуществлялись при изучении лексики и топонимики среднеокского бассейна. В данной статье предпринята попытка исследовать данный факт с точки зрения ДНК-методов. Особый интерес для сравнения представляет, по нашему мнению, мощинская культура Верхней Оки, находившаяся в непосредственном контакте с интересующей нас территорией.

Обзор литературы

Данная статья представляет собой продолжение нашей работы по ДНК-анализу захоронения могильника Ундрих из раскопок А. Н. Гаврилова 1983 г. Могильник Ундрих расположен у с. Борок на территории современного Шиловского района Рязанской области и входит в центральную «элитную» группу памятников рязано-окской культуры с IV по VII в. н. э. [5]. Основные данные по мощинской культуре на Оке систематизированы в статье В. И. Кулакова [8]. Новым фактом в пользу начала исследования стала гипотеза северо-западных параллелей антропологии вождя из захоронения Ундрих-90, выявленных на базе сходства с ярославскими кривичами [11]. Основой сравнительных баз материалов стали исследования по современникам с корнями из с. Шокша Теньгушевского района Республики Мордовия, Шиловского района Рязанской области (вблизи от рязано-окского «центра власти» и источника палеообразцов ДНК рязано-окской культуры), Спас-Клепиковского района Рязанской области и Шатурского района Московской области (земли исторической Мещёры), Судогодского района Владимирской области.

Материалы и методы

В силу комплексного подхода используются археологические данные и собранные нами данные ДНК древних захоронений и современников. На базе ДНК-исследований рязано-окцев и их потомков изучаются этнические и миграционные процессы в их среде.

Результаты исследования и их обсуждение

Рязано-окская культура возникла под влиянием миграции на территорию Почья сарматского населения, представленного андреевско-писеральскими могильниками. Захороненные в рязано-окских могильниках индивидуумы являлись членами крупной дружинной корпорации раннего средневековья на разных этапах ее развития, созданной переселенцами и автохтонами, входившими в сарматский культурный круг. Память о сарматских протогосударственных образованиях и подобных им структурах, вероятно, сохранялась у различных народов центра и

центры власти, о которых имеются старинные легенды (о периоде до 850-х гг.) и где нами ожидаются находки фибул.

Эти наблюдения важны тем, что показывают соприкосновение и, возможно, союз между рязано-окцами и племенами кривичей, а также указывают на вероятное участие рязано-окцев в сложении более поздних кривичей. Взаимовлияние между рязано-окцами и восточными кривичами подтверждается и археологически. Например, они описаны в работе С. В. Воронятова [4].

По мнению В. В. Седова, племена с берегов Балтики могли сыграть существенную роль в формировании рязано-окской традиции, в том числе из-за того, что рязано-окская культура инкорпорировала в себя финальный этап приокской мощинской культуры [12], хотя есть и другие версии.

Контактной зоной балтославянского и финно-угорского мира, вероятно, выступала Подмосковная и Рязанская Мещёра. Согласно нашей статье со ссылкой на А. Н. Фролова [13], жители с. Пустоши Судогодского уезда (ныне в районе станции Черусти, Шатурский район) еще в начале XX в. говорили, что последние «искренне русские» (читай — славяне) в этих краях именно они — судогодцы, а дальше к югу живет одна «литва». Данное слово далеко не всегда означало в указанном регионе этнических балтов и их потомков. Для Судогодского и Муромского уездов сохранились прямые свидетельства, что в ряде случаев «литва» и «мордва» выступали как синонимы [5; 6; 15]. Именно в Рязанской и Подмосковной Мещёре известно сообщество куршаков, имеющее отдельную самоидентификацию с неясным происхождением. Происхождение их от балтийского племени *куршей* наукой не отрицается. В Восточном Подмосковье известно наименование куршаков *мордвой*.

Заслуживает внимания наличие, вероятно балтского по форме, топонима *Гжель* в западной мещёрской зоне, а также топонимов на *-ур* (имеющих аналоги в Прибалтике) в Восточном Подмосковье, неподалеку от знаменитого мещёрского Пустошинского могильника. Также не исключено, что сама древняя форма топонима *Мещёра* (*Miscaris*), зафиксированная у Иордана, восходит к литовскому *Miskai* («лес») с суффиксом *-ar* (этимологически близкому *-ур*). Известна древняя форма названия современного поселка Мишеронский — *Мишур*, что может быть аналогом *Miscaris*. Корень *Miskai* состоит в дальнем родстве с русским словом *межа*, и тем самым отстаиваемая подмосковными краеведческими сообществами версия о балтославянском происхождении топонима *Мещёра* может позиционироваться как научная гипотеза. Село Гжель находится в 150 — 200 км от мест проживания голяди и упомянутой в летописях «Литвы на Протве».

Для обсуждения вопроса о балтийских связях рязано-окцев вначале рассмотрим комплекс захоронений Ундрих. Нами выделен властный клан — Ундрих-31, Ундрих-33, Ундрих-90, причем все трое были носители гаплогруппы N1a, и как для Ундрих-90, так и для Ундрих-33 были характерны крестовидные фибулы. Гаплотипы Ундрих-31 и Ундрих-33 имеют значительную вероятность быть отнесенными к южнобалтийской ветви VL29. Использование современного программного комплекса <http://predictor.ddns.net/> для Ундрих-90 выдает редкую ветвь ветвь Y18421 — Y19110, которая характерна для Центра и Северо-Запада РФ, а также Финляндии, Швеции, Белоруссии, Литвы. Заслуживает внимания упоминание о наличии данной

ветви у татар. Эпицентр распространения указанной ветви также смещен к Прибалтике и Северо-Западу РФ, что не меняет картину.

Антропологический анализ Ундрих-90 [10] показал близость к более поздним ярославским кривичам — предкам нынешних обитателей Центра России (рис. 2). Анализ митохондриальной ДНК показал наличие гаплогруппы K1c1 при линейке мутаций 73G, 146C, 152C, 263G, 533G, 750G, 1189C, 1438G, 1811G, 2706G, 3480G, 4769G, 7028T, 8473C, 9055A, 9093G, 9698C, 10398G, 10550G, 11299C, 11377A, 11467G, 11719A, 12308G, 12372A, 14167T, 14766T, 14798C, 15326G, 16172C, 16224C, 16311C, 16519C. Митохондриальная группа K1c встречается в различных древних захоронениях Европы. Знаковыми параллелями являются находки K1c в фатьяновской культуре (Тимофеевка, Ивановская область, середина III тыс. до н. э.), и в бронзовом

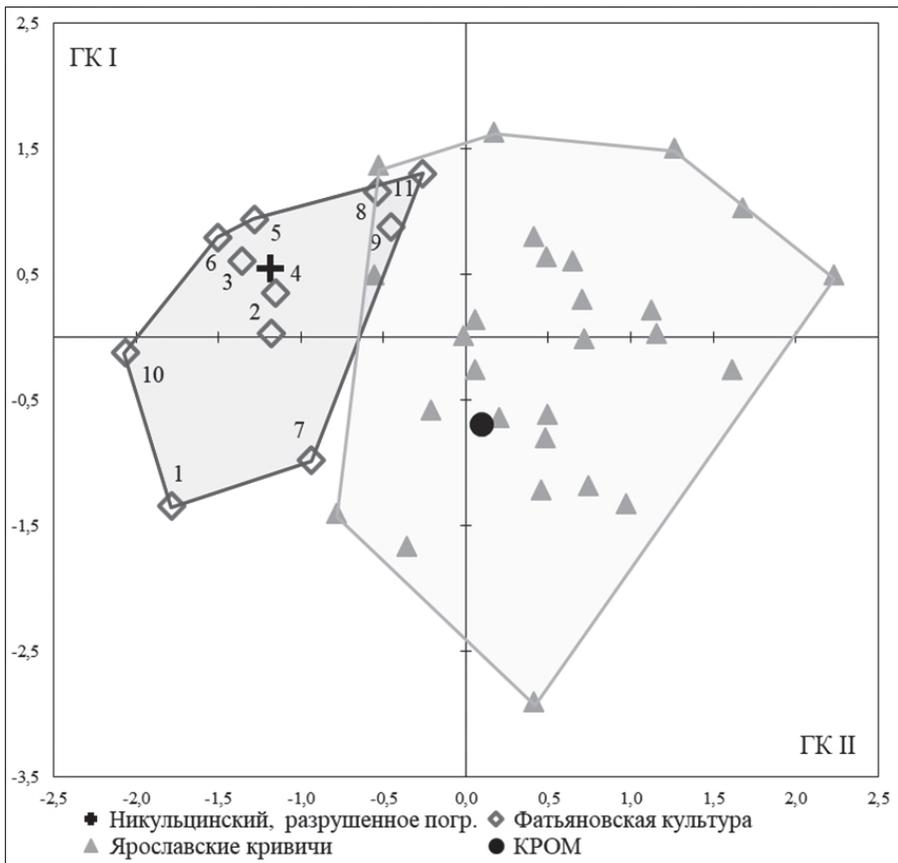

Рис. 2. Ундрих-90 на фоне других древних популяций Центра России (источник: Солодовников К. Н., Семёнов А. С. Краниологическая находка на площади Никольцинского могильника фатьяновской культуры эпохи бронзы в Ярославской области // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 3. С. 95 — 112)

Figure 2. Undrich-90 against the background of other ancient populations of the Center of Russia (source: Solodovnikov K. N., Semenov A. S. A craniological find on the area of the Nikultinsky burial ground of the Fatyanovo culture of the Bronze Age in the Yaroslavl region // Theory and practice of archaeological research. 2023. Vol. 35, № 3. P. 95 — 112)

веке Эстонии (Joelachtme, Harju, 1200 — 1100 гг. до н. э.), Швеции эпохи викингов (захоронение Karda, X — XI вв. н. э.), вельбарской культуре (захоронение Masłomęcz, 200 — 400 н. э., польское Полесье). В захоронении Masłomęcz имеется и носитель гаплогруппы N1a-L1026, что позволяет проводить параллели между индивидуумами Masłomęcz и индивидуумом могильника Ундрих-90. Схожесть и возможная связность на то время Полесского (где расположен Masłomęcz, недалеко от ареала ятвягов) и Мещёрского ландшафтов позволяют выдвинуть гипотезы о миграциях в обоих направлениях.

По мнению ряда исследователей, наиболее прямыми продолжателями рязано-окцев, выступают носители Шокшинского могильника. Проживающие неподалеку от памятника шокшане — носители особой шокшинской идентичности внутри эрзянского народа. Хотя ведутся научные споры, являются ли шокша отдельным мордовским субэтносом, отметим, что в интервьюированных семьях, поддержавших данное исследование, шокшинская идентичность фиксируется как отдельная. Также можно провести некоторые аналогии между самоидентификацией шокши и самоидентификацией куршаков, живущих западнее, близ пос. Тума Рязанской области. Интересно, что Рязанщина характеризуется высокой степенью самоидентификации микросообществ: некоторые жители с. Мелехово Чучковского района называют себя Мельховой — группой, отличной от других русских и мордвы. Там же, под Мелехово, сохранился топоним *Пичкеморье*, связанный по преданию с древним «Бабьим царством», где жили девы-воительницы: «Пичкеморье это место такой, раньше может страна целая была. Да где-то как на Мунор, в ту сторону. У нас туда бабы раньше ходили за лекарствами.

Три брата были разбойника Терех, Мелех и Иняка, от них пошли три села.

Есть Русские и есть Мордва, а мы Мельхова особый народ»¹.

В районе Мелехово — Терехово — Инякино присутствует множество предположительно балтских топонимов (*Мильчус*, *Свинчус*, *Лубонос*, *Мунор*, *Тынор*), а сами именованья *Мельхова*, *Мелехово* видятся однокоренными с *Мильчус*. С учетом близости рязано-окских могильников версия о взаимосвязи предков Мельховы и Балтийского региона представляется обоснованной. В нашей работе представлены ДНК-данные одного представителя мельховского сообщества.

Высокая степень обособленной самоидентификации характерна и для *цуканов*, или *церьукан*, Шиловского района — их цокающий говор в наши дни уже отделен от северорусского и считается реликтовым говором русской мещёры. Такой же говор есть в с. Юшта, откуда тоже имеются ДНК-данные. Причем последние показали наличие ветвей, роднящих местное население с Балтийским регионом.

Особо следует сказать о Шокшинском могильнике. На территории Волго-Окского междуречья раскопаны 97 могильников, исследовано около 6 тыс. погребальных комплексов, датирующихся I — XV вв. и относящихся к народам, в определенный период своей истории говорившим на финно-угорских языках. Пятая часть погребений приходится на Шокшинский могильник, где за 15 лет археологических работ раскопаны 1 143 захоронения. Шокшинский могильник (он же По-

¹ Информатор: Пивоварова Анна Дмитриевна, 1920 г. р., с. Мелехово Чучковского района Рязанской области, запись 2001 г.

лярная Звезда, Куликовский) расположен на мысу правого берега Шокши (правый приток Мокши) в Теньгушевском районе Республики Мордовия. Он был открыт в 1960-е гг. Тогда же в течение трех лет экспедиция Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва под руководством А. В. Циркина выполнила раскопки первых 243 погребений. Основная часть материалов, введенных в научный оборот, — результат полевых изысканий Шокшинского могильника экспедицией Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НИИГН) под руководством Виктора Николаевича Шитова. В 1983 — 1995 гг. были раскопаны 900 погребений на площади 3 472 м² [14 и др.].

По этой причине до сих пор нет однозначной историко-культурной оценки памятника, который одни ученые на раннем этапе (V — VII вв.) относили к рязано-окским древностям, на позднем (VIII — XI вв.) — к мордовским (А. В. Циркин), другие — к муромо-мордовским (Л. А. Голубева). В. Н. Шитов и вслед за ним современные археологи (И. В. Белоцерковская, И. Р. Ахмедов) считают его рязано-окским могильником. Место могильника не определено и в кругу древностей Правобережья Волги, как в контексте финно-угорского мира в целом, так и в вопросах соотношения с муромской и мордовской культурами. В силу того, что часть украшений женского костюма (нагрудные бляхи, сьюлгамы, гривны, шумящие привески, браслеты и др.) характерна для большинства народов Поволжья (мордвы, муромы, мери, марийцев), материалы Шокшинского могильника могут стать опорными для всех финно-угорских древностей и значительно укрепят существующие системы хронологий.

Вполне очевидно, что по преемственности ряда женских украшений — нагрудных блях с крышечкой, ажурных застежек и тех же крестовидных фибул VII — VIII вв. — мурома и население, оставившее Шокшинский могильник, происходят от отдельных рязано-окских анклавов, переселившихся в VI — VII вв. в новые места. Впрочем границы даже первоначального расселения рязано-окской экспансии первых веков нашей эры достигли Суздальского Ополя. А связь рязано-окских и марийских древностей превращает регион муромы во внутреннее пространство влияния рязано-окской культуры. Данные по шокшинским родам также присутствуют в нашей работе.

Не исключено что в контексте рязано-окских и муромских связей населения могильника возникает вопрос о его возможной преемственности с более древней мощинской культурой, которая стала одним из основных субстратов культуры рязано-окских могильников. Этот вопрос важен и для понимания истории более западных по отношению к Мордовии земель, а именно Подмосковной Мещёры и Москворечья, поскольку местная дяковская культура («культура московорецких городищ») на позднем этапе характеризуется доминированием влияния балтских языков, что нашло отражение и в топонимике. Не исключено, что массовое переселение народов Юго-Восточной Прибалтики происходило и во времена распада готской империи Германариха и формирования на западе от рязано-окской территории кривичской культуры длинных курганов (антропология Ундрих-90 взаимосвязи подтверждает).

Выделенные гипотезы о взаимосвязях допускают комплекс работ по проверке через изучение ДНК. Для изучения более тесных взаимосвязей использовались

ДНК-данные, полученные от семей шокшинского происхождения, а также от жителей Рязанской и Подмосковной Мещёры, любезно предоставивших свои ДНК-данные для исследования. Все собранные нами данные именованные, с привязкой к наиболее ранним известным документальным корням. Оценки ветвей проводились с использованием программы neugen.org и базы проекта «ДНК-история России».

Поскольку для древних захоронений Балтии была характерна кремация, и получение крупных выборок проблематично, в качестве референсного материала был взят усеченный гаплогруппа Do-367 из элитного захоронения V — VI вв. Dollkeim-Коврово (ныне — Калининградская область). Работа предиктора neugen.org показала гаплогруппу R1a, причем при указании базового снипа Z283 наиболее вероятным выступает CTS1211. При выборе базового снипа CTS1211 наиболее вероятными становятся субклад CTS3402 и его подветвь YP295 с родительской ветвью YP237 (табл. 1).

Таблица 1. Носители Y-гаплогруппы R1a из Dollkeim-Коврово и из могильника Ундрих

Table 1. Carriers of Y-haplogroup R1a from Dollkeim-Kovrovo and from the Undrich burial ground

Могильник, погребение	DYS393	DYS390	DYS439	DYS389i	DYS389ii	DYS458	DYS460	DYS456	DYS576	DYS570	Наиболее вероятный субклад
Do-367	13	25				15	11	15	18	18	R1a-Z92 или R1a-CTS1211 (возможен более «глубокий» субклад CTS3402-YP237) [12]
Ундрих ПГ 50				13		16	10		20		R1a-CTS3402-Y2613 [12]

В ходе изучения большого количества семей из Рязанской области и Мордовии (табл. 2, 3, 4) мы выбрали для сравнения тех носителей тех ветвей R1a, которые не входят в список ветвей, получивших максимальное распространение в ходе «древнерусского» (X — XII вв.) расселения славян (R1a-M458, R1a-Z92-YP569, R1a-Y2902). Маркеры ветви Y2613 встретились в рязано-окской культуре в явном виде, а другие ветви из нижеперечисленных также могли распространяться по территории Рязанщины и Мордовии до основной волны расселения славян в древнерусскую эпоху. Наличие этих линий у татар и шокши говорит в пользу данного предположения, поскольку древнее население Мещёры и Поочья влилось в состав всех трех групп (русские, шокша и эрзяне, кадомские татары). В выборку были включены и гаплогруппы семей Ухаботовых и Епифановых, происходящих из с. Курша. Первые с 1934 г., после раскулачивания, поселились в Подмосковной Мещёре (пос. Мишеронский). Вторые происходят из д. Малахово. Также включена выборка семей с Y-гаплогруппой N1a, для которой с высокой вероятностью предсказываются субклады N1a-VL29 (южнобалтийский) и N1a-Y18421, причем первый предсказывается и для элитных захоронений комплекса Ундрих. Для самих Спас-Клепиков не так давно было обнаружено древнее название Явинтис.

Таблица 2. Семьи с вероятным рязано-окским и мешёрским происхождением (гаплогруппа R1a)
Table 2. Families with probable Ryzan-Oka and Meshchera origin (haplogroup R1a)

Семья	Оценка гаплогруппы и ветвь	Корни семьи (Шилловский район, Рязанская область, если не указано иное)	Наименование и аллель STR-локусов																	
			393	390	19	391	385 a	385 b	439	389I	392	389II	447	437	448	449	456	576	438	635
Белянушкины	R1a-CTS1211-CTS3402-YP237	Потомки шокшан, г. Саранск	13	25	16	11	11	14	11	13	11	30	23	14	20	33	16	18	11	24
Кабаевы	R1a-CTS1211-YP340	Село Шокоша, Теньгушевский район, Мордовия	14	25	15	10	11	14	11	13	11	31	24	14	20	32	17	17	11	23
Косицыны	R1a-CTS1211-YP340	Район Шилово — Инякино — Тырново	13	25	15	10	11	15	12	13	16	29	24	14	20	30	17	16	10	23
Липаткины	R1a-CTS1211-YP340	Поселок городского типа Шилово	13	25	16	11	11	14	11	13	11	30		14			18	18	11	23
Махмутовы	R1a-CTS1211-CTS3402-YP2613	Кадомские татары	13	25	16	10	11	14	10	13	11	31	24	14	20	32	16	20	12	23
Захаркины*	R1a-CTS1211-CTS3402-YP2613	Село Борок	13	24	16	10	10	14	11	13	11	30	24	14	19	32	15	19	11	23
Хавронины	R1a-Z92-YP270	Село Лубонос	13	25	16	11	11	14	11	13	11	30	24	14	20	34	16	18	11	23
Пушкины	R1a-Z92-YP270	Село Тырново	13	25	16	11	11	14	11	13	11	30	24	14	19	32	16	18	11	23
Ухаботовы	R1a-CTS1211-CTS3402-YP237-L366	Потомки куршаков, с. Курша, Клепиковский район, Рязанская область	13	24	15	11	11	14	14	13	10	32	23	15	20	31	15	17	11	23
Елифановы	R1a-M458-L1029	Потомки куршаков, д. Малахово, Клепиковский район, Рязанская область	13	25	17	10	11	13	12	13	11	29	24	14	20	33	18	20	13	23
Гришанковы	R1a-Z280-CTS1211-YP1034	Потомки куршаков, д. Култуки, Клепиковский район, Рязанская область	13	24	15	10	11	14	10	14	11	30	25	14	20	32	16	19	11	23

* В табл. 2 и 4 даны гаплогипы двух разных представителей рода Захаркиных.

Примечание.

В контексте сравнения с древнебалтским захоронением важны гаплотипы гаплогруппы R1a. Описанные гаплотипы кластеризуются в 4 семьи.

Кабаевы-Косицыны-Липаткины (R1a-CTS1211-YP340): данная ветвь может считаться коренной для описанного региона, поскольку встречается и у русских и у шокши. Аналоги известны в Восточной Европе — Белоруссия, Польша, Германия, что не противоречит версии о миграции с Балтики в раннем средневековье.

Хавронины-Пушкины (R1a-Z92-YP270): две данные семьи, скорее всего, родственные на уровне средневековья (3 маркера различаются), относятся к ветви R1a-Z92-YP270, имеющей своих представителей как на Балтике, так и в Поочье. К окским представителям ветви относятся предки известного ученого, доктора исторических наук В. И. Кулакова (родом из Козельского уезда). Вероятнее всего, что Хавронины-Пушкины принадлежат к тому же переселенческому потоку из Южной Прибалтики, что привел к формированию подмосковной голяди (о которой написано в статье В. И. Кулакова «Козельск») и, что вероятно, части населения, оставившего Пустошинский могильник на востоке Подмосковья.

Махмутовы-Захаркины (R1a-CTS1211-CTS3402-Y2613): данная ветвь, безусловно, является коренной для Мещёры, в ходе исследования среди ее представителей встретились как коренные русские жители Шиловского района, так и представители кадомских татар. При этом маркеры, выделяющие данную ветвь, были зафиксированы и в могильнике Ундрих (погребение 50). Как и у ветви Кабаевых-Косицыных, ближайшие соседи проживают в Восточной Европе.

Белянушкины-Ухаботовы (R1a-CTS1211-CTS3402-YP237): данная ветвь носит название балтийской, и гаплотип этой семьи демонстрирует наибольшую близость к гаплотипу индивидуума из могильника Dollkeim-Коврово. Вероятнее всего, именно данная семья с большей достоверностью восходит к западным балтам в силу отнесения субклада к той же ветви YP237, что и воин V — VI вв. из могильника Dollkeim-Коврово. *Очень важно, что в этой ветви одновременно представлены потомки шокши и куршаков.*

Семья **Епифановых** относится к R1a-L1029, характерной для всех восточнославянских народов. Однако гаплотип Епифановых весьма удален от «усредненного варианта» и сближается с локальными вариантами Ярославской области, местами жизни кривичей и мери.

В выборке «длинных» гаплотипов к потомкам рязано-окцев с наибольшей вероятностью может быть отнесена только семья Захаркиных. Все остальные семьи демонстрируют ветви, типичные для потомков «древнерусского» расселения. Гаплотип Даныщиковых, несмотря на отнесение к R1a-Z29-YP569, показывает нетипичное начало 14-24-16, наводящее на мысль об обособленности данного рода от основной массы родов YP569, имеющих префикс 13-25-15. Возможно, речь идет о ранней миграции.

Вышеописанные ветви R1a были не так давно найдены в средневековых захоронениях. Два ископаемых образца из субклада YP270 были выявлены в ходе масштабного исследования «Population genomics of the Viking world». Один — в польском захоронении X в. близ г. Бодзя, другой — на острове Готланд. Известны еще два образца, принадлежащих к вышестоящему к YP237 по филогении субкладу YP234, которые также были выявлены в том регионе. Оба — воины с балтийского острова Сааремаа, жившие в VIII — IX вв., земле с основным языком финно-угорским.

Таблица 3. Семьи с вероятным рязано-окским происхождением (гаплогруппа N1a)
Table 3. Families with probable Ruzan-Oka origin (haplogroup N1a)

Семья	Оценка гаплогруппы и ветвь	Корни семей (Шилловский район Рязанская область, если не указано иное)	Наименование и аллель STR-локусов																		
			393	390	19	391	385a	385b	439	389I	392	389II	447	437	448	449	456	438	635		
Ильяхины	N1a-L1026	Село Борок	14	23	14	10	12	13	13	11	14	14	30	25	14	19	29	14	17	10	22
Балонины	N1a-L1026	Село Борок	14	23	14	10	12	13	13	11	14	14	30	24	14	19	30	14	17	10	23
Семеновы	N1a-L1026	Деревня Каменицы Сулогодский район, Владимирская область	14	23	14	10	12	13	13	10	13	14	29	25	14	19	30	14	16	10	22
Прохновы	N1a-L1026	Село Давыдово Клепиковский район, Рязанская область (близ Тумы)	14	23	14	10	12	13	13	11	13	14	29	23	14	19	29	14	16	12	23
Кротовы	N1a-L1026	Село Кривандино, Шатурский район, Московская область, более ранние — д. Петряиха	14	23	14	11	11	13	13	11	14	14	30	26	14	19	29	14	19	10	22
Ундрих-31	N1a-VL29		13				11			10	14				14			14			
Ундрих-90*	N1a-VL29		14	23	14	11	11	13	13	10	13	14	29	25	14	19	30	14	16	10	23

* В таблицу включены данные уточнения 2024 г., организованного проектом «ДНК-история России» по договору с ООО «ДНК-Наследие» № ДНК-Ла/02-22 от 1 февраля 2022 г., ТЗ № 9 от 11 сентября 2024 г.

Таблица 4. Семьи с вероятным рязано-окским и мешёрским происхождением (гаплогруппа R1a, длинные гаплотипы, FTDNA)
 Table 4. Families with probable Ruzan-Oka and Meshchera origin (haplogroup R1a, long haplotypes, FTDNA)

Семья, корни (Шилловский район, Рязанская область)	Наименование и аллель STR-локусов															
	393	390	19	391	385a	385b	439	389I	392	389II	458	437	448			
Захаркины, с. Борок, R1a-CTS3402-Y2613	13	24	16	10	10	14	10	13	11	30	16	14	19			
Даньшиковы, с. Юшта, R1a-Z92-YP569	14	24	16	10	12	16	10	13	11	30	15	14	21			
Do-367, R1a-Z92 или R1a-CTS1211 (возможен более «глубокий» субклад CTS3402-YP237)	13	25									15					
Ундрих, погребение 50, предск. R1a-CTS3402								13			16					

Семья, корни (Шилловский район, Рязанская область)	Наименование и аллель STR-локусов															
	449	460	H4	456	576	570	438	481	533	635	627	518	F387S1a	F387S1b		
Захаркины, с. Борок, R1a-CTS3402-Y2613	32	10	12	15	19	18	11	22	12	23	17	45	37	37		
Даньшиковы, с. Юшта, R1a-Z92-YP569	31	11	11	19	18	19	11	23	12	23	17	42	33	38		
Do-367, R1a-Z92 или R1a-CTS1211 (возможен более «глубокий» субклад CTS3402-YP237)	11			15	18	18										
Ундрих, погребение 50, предск. R1a-CTS3402		10			20											

Полученная выборка результатов наряду с результатом краниологического изменения параметров индивидуума из захоронения Ундрих-90, отсылающего к более позднему ярославскому кривичам, заставляет по-новому взглянуть и на ДНК-данные XIII в. из захоронения в г. Ярославле (табл. 5), которое датируется 1238 г. и в котором, по мнению исследователей, находились люди, погибшие в городе монголов [9].

Таблица 5. Данные по захоронению 1238 г. в г. Ярославле

Table 5. Data on the burial of 1238 in Yaroslavl

Номер индивида	Возраст, лет	Определенный субклад	Аналоги
1	30 — 35	R1a-Z92-YP270	Семьи Пушкиных-Хаврониных
2	25 — 29	R1a-M458-L1029	Епифановы (куршаки)
8	17 — 19	R1a-CTS3402-Y2613	Русские Мещёры (Захаркины), кадомские татары (Махмутовы). Вероятно, присутствие и в культуре рязано-окских могильников (Ундрих, погребение 50)
14	Ребенок	R1a-CTS1211-CTS3402-YP237 (и дочерний YP238)	Белянушкины (шокша), Ухаботовы (куршаки)

Данные из захоронения г. Ярославля 1238 г. показывают, что отдельные индивидуумы могут иметь корни, связанные с обособленными группами. Среди предков индивидуумов из г. Ярославля могут находиться и те, кто входил в мерянский племенной союз, так как среди предков мери могли быть и носители культуры рязано-окских могильников, а следовательно, и ее балтского субстрата. Иордан в «Гетике» упоминает не только *Mordens*, но и *Merens* в качестве отдельного племени.

Заслуживают особенного рассмотрения также роды носителей гаплогруппы I2a (табл. 6). Обычно она ассоциируется со славянской миграцией XI — XII вв., и частое обнаружение ее во Владимирской и Рязанской Мещёре приписывалось этой миграции.

В нашей базе есть данные по родам Барсковых и Чугуновых. Однако выявление ее у вероятного представителя «Мельховы», а также обнаружение ее представителей у «русской мещёры» (анонимны) позволяет ставить вопрос о привнесении ее более ранней миграцией. Поскольку гаплотип рода Кондрашовых демонстрирует близость к другим гаплотипам региона, а также к обособленным гаплотипам Польши и Померании, то связь предков «Мельховы» с Балтийским регионом кажется более вероятной. Учитывая обилие обособленного топонимического гнезда, мы склонны поддержать гипотезу об обособленности сообщества «Мельховы».

Таблица 6. Семьи с вероятным мешёрским происхождением (галлогруппа I2a)
Table 6. Families with probable Meschera origin (haplogroup I2a)

Семья	Оценка галлогруппы и ветвь	Корни семьи (Рязанская область, если не указано иное)	Наименование и аллель STR-локусов																	
			393	390	19	391	385a	385b	439	389I	392	389II	447	437	448	449	456	576	438	635
Кондрашовы	I2a-CTS10228	Село Мелехово, Чучковский район, потомки «Мельховы»	13	24	16	10	14	14	13	14	11	32	25	15	20	31	15	17	10	22
Чугуновы	I2a-CTS10228	Село Чермные, Кадомский район	13	24	16	10	14	15	13	13	11	31	26	14	20	31	15	18	10	23
Барсковы*	I2a-CTS10228	Филиппка, крестьянин д. Степачево, Судогодский Стан, родился около 1580 г.	13	24	16	10	14	15	13	13	11	31	25	15	20	30	15	18	10	22

* Семья, в которую входили мишеронские и судогодские мастера-стеклоделы («фараоны»), а также художник, писатель, исследователь Валентин Дмитриевич Барсков и краевед, писатель, ученый Дмитрий Павлович Барсков.

Заключение

Таким образом, первые данные, собранные по представителям шокши и жителей Рязанской Мещёры показывают, что, вероятнее всего, среди современных жителей данного региона есть родовые линии, которые могут быть связаны с Балтийским регионом. Также данные показывают, что отдельные линии жителей могут восходить к рязано-окцам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. Находки круга «восточноевропейских» эмалей и некоторые вопросы формирования культурного комплекса рязано-окских финнов // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 254. С. 128 — 152.
2. Белоцерковская И. В. О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной / отв. ред.: Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М., 2012. С. 27 — 37. (Труды Гос. Ист. музея; вып. 191)
3. Воронцов А. М., Столяров Е. В. Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел // *Stratum plus*. 2019. № 4. С. 51 — 74.
4. Воронятов С. В. Рязано-окский комплекс культуры длинных курганов // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии: сб. ст. памяти Дмитрия Алексеевича Мачинского. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 126 — 132.
5. Гаврилов А. П., Семёнов А. С. Генетические исследования материалов из раскопок рязано-окских могильника Ундрих 1983 г. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 139 — 165. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2023-st10.pdf>
6. Гаврилов А. П., Семенов А. С. Ундрих: рязано-окский импульс формирования Руси. СПб.: Алетей, 2023. 198 с.
7. Казанский М. М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // *Stratum plus*. 2010. № 4. С. 17 — 130.
8. Кулаков В. И. Козельский микрорегион в 1 — 7 вв. н. э. Ранняя миграция западных балтов // *Slavia Antiqua*. 2002. Т. XLIII. S. 9 — 33.
9. Мустафин Х. Х., Энгватова А. В., Альборова И. Э., Тарасова А. А. Палеогенетическая экспертиза останков из одного массового захоронения 1238 года в Ярославле // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2022. Вып. 18. С. 107 — 119.
10. Семёнов А. С., Гаврилов А. П., Кулаков В. И. Происхождение рязано-окских крестообразных фибул и генезис местной воинской элиты // *Genesis: исторические исследования*. 2022. № 12. С. 227 — 243.
11. Солодовников К. Н., Семёнов А. С. Краниологическая находка на площади Никульцинского могильника фатьяновской культуры эпохи бронзы в Ярославской области // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 3. С. 95 — 112.
12. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / авт. тома: Л. А. Голубева, В. А. Могильников, В. В. Седов, Р. Л. Розенфельдт; отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1987. 512 с. (Археология СССР)
13. Фролов А. Н. О следах древнего финно-угорского языка в говоре жителей деревни Кладьково Воскресенского района Московской области // Мещёра-край: альманах по истории и культуре Мещёрского края / гл. ред. С. С. Михайлов. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI, 2013. Вып. 3. С. 34 — 52.
14. Шокшинский могильник: Материалы раскопок 1983 — 1993, 1995 гг.: в 2 т. / сост.: О. В. Зеленцова [и др.]; науч. ред.: Н. А. Макаров [и др.]. Саранск: НИИГН, 2023. Т. 1. 480 с.; Т. 2. 480 с. (Археология мордовского края). URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/arxeologiya-mordovskogo-kрая>
15. Gavrilov A. P., Semenov A. S. Culture of Ryazan-Oka Burial Grounds. Results of the study of the Undrich Complex // *European Researcher. Series A*. 2022. Vol. 13, No. 1. P. 16 — 41.

Статья поступила в редакцию 18.04.2024; одобрена после рецензирования 27.06.2024; принята к публикации 03.07.2024.

Информация об авторах:

Александр Петрович Гаврилов, профессор по секции «Исторические науки» Российской Академии Естествознания (107078, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Спасская, 21/1); заведующий отделом Музейного историко-культурного комплекса Шиловского муниципального района Рязанской области, museum01@mail.ru

Александр Сергеевич Семёнов, проект «ДНК-история России» (119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 43), кандидат физико-математических наук, semyonov1980@mail.ru

Вклад авторов:

Гаврилов А. П. — разработка концепции, археологические данные, выводы;
Семёнов А. С. — организация анализа образцов, статистическая обработка данных, выводы и научное редактирование текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Akhmedov IR, Belotserkovskaya IV. Finds of the circle of “Eastern European” enamels and some issues of the formation of the cultural complex of the Ryazan-Oka Finns. *Brief reports of the Institute of Archaeology*. 2019;(254):128—152. (In Russ.)
2. Belotserkovskaya IV. On the objects of Chernyakhov culture in the women’s inventory of the Ryazan-Oka burial grounds. *Eurasia in the Scythian-Sarmatian time. In memory of Irina Ivanovna Gushchina*. Moscow;2012;(191):27—37. (In Russ.)
3. Vorontsov AM, Stolyarov EV. The war of the I century on the border of the forest zone: the Oka-Don watershed. *Stratum plus*. 2019;(4):51—74. (In Russ.)
4. Voronyatov SV. Ryazan-Oka culture complex of long barrows. *Ladoga in the context of the history and archeology of northern Eurasia*. Collection of articles in memory of Dmitry Alekseevich Machinsky. St. Petersburg;2014:126—132. (In Russ.)
5. Gavrilov AP, Semenov AS. Genetic studies of materials from the excavations of the Ryazan-Oka burial ground Undrich 1983. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):139—165. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2023-st10.pdf> (In Russ.)
6. Gavrilov AP, Semenov AS. Undrich: Ryazan-Oka Impulse of the Formation of Russia. St. Petersburg;2023. (In Russ.)
7. Kazansky MM. Scandinavian Fur Trade and the “Eastern Way” for Migrants. *Stratum plus*. 2010;(4):17—130. (In Russ.)
8. Kulakov VI. Kozelsky Micro-Region in the I — VII Centuries AD. Early Migration of the Western Balts. *Slavia Antiqua*. 2002;43:9—33. (In Russ.)
9. Mustafin HH, Engovatova AV, Alborova IE, Tarasova AA. Paleogenetic Examination of Remains from One Mass Grave in 1238 in Yaroslavl. *Archaeology of the Moscow Region. Materials of Scientific Research Seminar*. Moscow;2022;18:107—119. (In Russ.)
10. Semenov AS, Gavrilov AP, Kulakov VI. The Emergence of the Ryazan-Oka Cruciform and the Genesis of Local Military Elite. *Genesis: Historical Research*. 2022;(12):227—243. (In Russ.)
11. Solodovnikov KN, Semenov AS. A Craniological Find on the Area of the Nikultsinsky Burial Ground of the Fatyanovo Culture of the Bronze Age in the Yaroslavl Region. *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2023;35(3):95—112. (In Russ.)

12. Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages. Moscow;1987. (In Russ.)
13. Frolov AN. On the Traces of the Ancient Finno-Ugric Language in the Dialect of the Inhabitants of the Village of Kladkovo in the Voskresensky District of the Moscow Region. *Meshchera-Krai*. Moscow;2013;3:34—52. (In Russ.)
14. Shokshinsky Burial Ground: Materials of excavations 1983 — 1993, 1995. Saransk;2023. URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/arxeologiya-mordovsko-go-kraya> (In Russ.)
15. Gavrilov AP, Semenov AS. Culture of the Ryazan-Oka Burial Grounds. The Results of the Study of the Undrich Complex. *European Researcher. Series A*. 2022;13(1):16—41. (In Russ.)

The article was submitted 18.04.2024; approved after reviewing 27.06.2024; accepted for publication 03.07.2024.

Information about the authors:

Alexander P. Gavrilov, Professor in the Section “Historical Sciences” Russian Academy of Natural Sciences (21/1 Sadovaya-Spasskaya Str., Moscow 107078, Russia); Head of Department of the Museum Historical and Cultural Complex of the Shilovsky Municipal District of the Ryazan Region, museum01@mail.ru

Alexander S. Semenov, project “DNA History of Russia” (43 Leninsky Prospekt, Moscow 119334, Russia), Candidate of Physical and Mathematical Sciences, semyonov1980@mail.ru

Contribution of the authors:

Gavrilov A. P. — concept development, archaeological data, conclusions;
Semenov A. S. — organization of sample analysis, statistical data processing, conclusions and scientific editing of the text.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.